

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry

THE SILENT CRY

Copyright © 1997 by Anne Perry. All rights reserved

Оформление переплета *Павла Трофимова*

Перри, Энн.
П27 Безмолвный крик / Энн Перри ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-04-102562-5

Лондон, 1860 год. Промозглой январской ночью жуткий крик разнесся по узким грязным переулкам Сент-Джайлза, одного из самых нищих и опасных районов города. Прибежавшие на шум полицейские обнаружили двух избитых rispetабельно одетых джентльменов. Один из них был мертв, другой едва дышал. Сержант Джон Ивэн срочно доставил пострадавшего в больницу. Повреждения на его теле были ужасны, а самое главное, он потерял дар речи и ничего не мог рассказать. Кто же эти двое и зачем они забрели туда ночью, где люди из их сословия не показываются даже днем? Ивэн не знает, за что хвататься и с чего начинать. Но он точно знает, кто в состоянии ответить на все эти вопросы. Это бывший инспектор полиции, а ныне частный сыщик Уильям Монк...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-102562-5

© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Саймону, Никки,
Джонатану и Энгусу*

Глава 1

Джон Ивэн стоял, дрожа на продувавшем переулок январском ветру.

Полицейский констебль Шоттс повыше поднял фонарь с увеличительным стеклом, чтобы видеть оба тела сразу. В измятой окровавленной одежде, они лежали на обледневшей бульжной мостовой, футах в семи друг от друга.

— Кто-нибудь знает, что случилось? — спросил Ивэн, стуча от холода зубами.

— Нет, сэр, — мрачно ответил Шоттс. — Их нашла какая-то женщина, а постовой Бриггз доложил мне.

— В таком месте? — удивился Ивэн, обводя взглядом грязные стены, открытую сточную канаву и немногочисленные, почерневшие от копоти окна. Двери, которые он сумел заметить, были узкими и выходили из жилищ прямо на улицу; за долгие годы они покрылись пятнами плесени и сажки. Единственный фонарный столб высился ярдах в двадцати дальше по улице, бросая зловещие отблески, как потерявшаяся в тучах луна. За периметром освещенного пространства сержант с неудовольствием разглядел сторбленные фигуры наблюдающих и выжидающих — сборище нищих, воров и горемык, обитателей убогого квартала Сент-Джайлз, расположенного неподалеку, практически рукой подать, от Риджент-стрит, в самом сердце Лондона.

Глядя на лежащие тела, Шоттс пожал плечами.

— Что ж, они явно не пьяны, не истощены и не умерли от холода. Полагаю, из-за всей этой крови она и под-

няла крик, потом испугалась, что кто-нибудь подойдет и обвинит ее, стала звать на помощь, тут и остальные появились... — Он покачал головой. — В таких местах надо держать ухо востро. Осмелюсь заметить, что будь она покрепче духом да посмышленей, прошмыгнула б мимо да и убралась побыстрее.

Ивэн нагнулся к телу, лежавшему ближе. Шоттс немного опустил фонарь, чтобы получше осветить голову и верхнюю часть туловища. Похоже, несчастный успел дожить до середины шестого десятка. Густые седые волосы, гладкая кожа. Коснувшись ее пальцем, сержант определил, что тело замерзло и окоченело. Глаза покойника оставались открытыми. Избили его так сильно, что о чертах лица можно было составить лишь самое общее суждение. При жизни оно вполне могло казаться привлекательным. И одежда, пусть изорванная и запачканная, была превосходного качества. Насколько мог судить Ивэн, при среднем росте неизвестный отличался плотным телосложением. Когда труп лежит так неловко, когда ноги согнуты и скрыты отчасти туловищем, ошибиться совсем не трудно.

— Господи, кто же с ним такое сделал? — пробормотал он себе под нос.

— Не знаю, сэр, — неуверенно откликнулся Шоттс. — Никогда не видел, чтобы человека так отделали, даже здесь... Должно быть, умалишенный какой-нибудь — вот и все, что я могу сказать. Его ограбили? Наверняка обчистили.

Ивэн слегка повернул тело, чтобы проверить карман пальто. В наружном ничего не оказалось. Проверив внутренний, Джон достал платок — чистый, сложенный, льняной, обметанный по краю, отличной выработки. Больше ничего. В карманах брюк нашлось несколько медяков.

— Петля под пуговицу разодрана, — заметил Шоттс, присмотревшись к жилетке. — Похоже, сорвали часы с цепочкой. Интересно, что он тут делал?.. Для такого джентльмена место неподходящее. Не далее как в миле к западу

полно шлюх на всякий вкус. Весь Хеймаркет ими забит, и никакой опасности. Выбирай на здоровье. Зачем тащиться сюда?

— Не знаю, — неохотно буркнул Ивэн. — Возможно, определи мы причину, поняли бы, что с ним случилось.

Поднявшись, он направился к другому телу. То был молодой человек лет двадцати, не более, хотя лицо его обезобразили так, что лишь чистая линия подбородка и нежная кожа могли служить указанием на возраст.

Чувство жалости и страшная, слепая ярость охватили Ивэна, когда он увидел, что одежды в нижней части туловища молодого человека пропитались кровью, все еще сочащейся из-под тела на бульжники.

— Боже милосердный, — хрипло пробормотал сержант. — Что здесь произошло, Шоттс? Что за зверь способен на такое? — Обычно он не поминал имя Божье всуе. Сын сельского пастора, Ивэн вырос в маленькой деревенской общине, в которой — к добру ли, к худу ли — все знали всех, а церковные колокола звонили и над барским домом, и над лачугой труженика фермера, и над постоянным двором с его трактиром. Он знал радости и горести, добро и обычные прегрешения вроде жадности и зависти.

Шоттс, выросший близ этой уродливой, темной лондонской трущобы, обладал натурой не столь впечатлительной, но и он смотрел на тело бедняги, содрогаясь от сострадания — и страха при мысли о том, кто мог сотворить такое.

— Не знаю, сэр, но надеюсь, что мы поймем выродка, а уж потом его точно вздернут. Зависело б от меня, я бы так и сделал. Но поймать его будет не так просто. Пока не вижу, с чего начать. И на помощь со стороны местных рассчитывать не приходится.

Ивэн опустил на колени возле второго трупа, ощупал карманы, надеясь найти хоть что-то, по чему можно было бы, по крайней мере, установить личность несчастного. Пальцы задели щеку молодого человека. Он замер, охва-

ченный ужасом, а потом и проснувшейся надеждой. Щека теплая! А вдруг бедняга еще жив?

А если все же умер, то не так давно, как пожилой мужчина...

Возможно, он пролежал в этом обледеневшем переулке, истекая кровью, несколько часов!

— Что там? — спросил Шоттс, широко раскрыв глаза.

Ивэн подержал ладонь над носом и губами молодого человека, но ни малейшего тепла от дыхания не почувствовал.

Склонившись, констебль поднес лампу ближе.

Ивэн достал карманные часы, протер крышку изнанкой рукава и приложил ее к губам потерпевшего.

— Что там? — резко повторил Шоттс высоким голосом.

— Думаю, он жив! — прошептал Ивэн и поднес часы к лампе. На крышке остался слабый след от дыхания. — Он жив! — торжествующе воскликнул сержант. — Смотри!

Шоттс был реалистом. Ивэн ему нравился, но он знал, что тот — сын священника, и относился к нему снисходительно.

— Наверное, просто он умер после того, первого, — мягко сказал констебль. — У него такая страшная рана...

— Он теплый! И еще дышит! — настаивал Ивэн, наклоняясь ниже. — Ты вызвал доктора? Вызовите медицинскую карету!

Шоттс покачал головой.

— Вы его не спасете, мистер Ивэн. Он уже слишком далеко. Милосерднее дать ему уйти и ничего не знать про это. Полагаю, он все равно не ведает, кто его убил.

Ивэн даже не взглянул на него.

— Я думаю не про то, что он может рассказать. Если несчастный жив, мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь ему. Здесь рассуждать нечего. Найди кого-нибудь, пошли за доктором и каретой «Скорой помощи». Живее!

Шоттс колебался, обводя взглядом пустынный переулок.

— Со мной всё будет в порядке, — резко произнес Ивэн, хотя и не был так уж в этом уверен. Остаться одному в таком месте ему не хотелось. Он был здесь чужим, в отличие от Шоттса. Чувствуя подступивший страх, Джон обеспокоился, слышен ли он в его голосе.

Неохотно подчинившись, Шоттс оставил сержанту свой фонарь. Его крепкая фигура исчезла за углом, и на секунду Ивэна охватила паника. Если тот, кто совершил эти убийства, вернется, ему нечем защитить себя.

Но зачем им возвращаться? Нелепая мысль... Так не бывает. Ивэн работал в полиции достаточно давно, фактически более пяти лет, с 1855 года, с середины Крымской войны. Он помнил свое первое убийство. Тогда-то и познакомился с Уильямом Монком, лучшим полицейским, какого знал, человеком жестоким и суровым, но самым храбрым, самым проницательным.

Ивэн оказался единственным, кто понимал, насколько узким Монк. Он потерял память в транспортном происшествии, но, конечно, не решился никому об этом сказать. Монк понятия не имел о своей профессии, своих способностях, конфликтах, врагах и даже друзьях. Он жил от одной опасности до другой, от разгадки до разгадки, но и тогда их смысл значил мало или вовсе ничего — оставались лишь фрагменты.

Но Монк не побоялся бы остаться один в этом переулке. Даже изголодавшиеся бедняги и преступники, обитатели этого несчастного квартала, подумали бы дважды, прежде чем напасть на него. Было что-то пугающее в его лице с гладкими скулами, крупным орлиным носом и блестящими глазами. Более мягкие черты Ивэна, выдававшие склонность к добродушию и живое воображение, никого напугать не могли.

Из дальнего конца переулка, возле главной улицы, донесся какой-то звук, и сержант вздрогнул, но это оказалась всего лишь крыса, бегущая вдоль сточной канавы. Кто-то что-то затаскивал в дверь, но Ивэн ничего не видел. Грохот колес экипажей, долетавший с расстояния в пятьдесят

ярдов, звучал словно из другого мира, широкого, открытого, в котором кипела жизнь и которому добавлял красок крепнувший свет дня.

Ивэн так замерз, что весь дрожал. Тем не менее он счел нужным снять пальто и укрыть еще живого юношу. Вообще-то сделать это следовало сразу. Джон осторожно подоткнул полы под лежащего и ощутил, как холод запускает когти в его собственную плоть, добираясь до костей.

Ожидание казалось бесконечным, но Шоттс наконец вернулся, ведя с собой доктора — тощего мужчину с костлявыми руками и худым страдальческим лицом. Слишком большая шляпа с высокой тульей сидела глубоко, почти касаясь кончиков ушей эскулапа.

— Райли, — коротко представился он и нагнулся, чтобы взглянуть на молодого человека. По движениям пальцев в нем угадывался знаток своего дела, и Ивэн с Шоттсом застыли в ожидании, глядя вниз. Уже совсем рассвело, хотя в переулке между высокими грязными стенами еще держались сумерки.

— Вы правы, — произнес Райли минуту спустя. Голос его звучал напряженно, взгляд потемнел. — Жив... но только лишь едва. — Поднявшись, доктор повернулся к похожей на катафалк карете санитарной помощи; извозчик развернул лошадей к выезду из переулка. — Помогите погрузить, — велел Райли.

Кто-то еще соскочил из кареты на землю и раскрыл дверцы экипажа.

Ивэн с Шоттсом послушно выполнили приказ и как можно аккуратнее подняли холодное тело. Райли руководил их действиями, пока молодого человека не уложили на пол повозки и не укрыли одеялами; Ивэн получил назад свое пальто — запачканное кровью, грязное и сырое из-за мокрых бульжников.

Взглянув на него, Райли поджал губы.

— Вам лучше переодеться в сухое и выпить немного виски, а потом съесть тарелку горячей каши, — посоветовал он, качая головой. — Иначе только попусту подхвати-

те воспаление. Сомневаюсь, что мы сумеем спасти этого беднягу. — От жалости у него изменилось лицо; сейчас доктор выглядел изможденным и беззащитным. — Для другого я ничего сделать не в силах; теперь им займется гробовщик, ну и вы, конечно. Удачи. Она вам здесь понадобится. Бог знает, что тут произошло; хотя, наверное, уместнее сказать, дьявол. — С этими словами Райли полез следом за своим пациентом. — За тем, другим, сейчас приедет катафалк, — добавил он как бы между прочим. — А этого я увожу в больницу Святого Фомы, можете справиться о нем там. Полагаю, вы понятия не имеете, кто он?

— Пока нет, — отозвался Ивэн, вполне понимая, что имени молодого человека они могут никогда не узнать.

Райли закрыл дверцу, стукнул в перегородку, и карета покатила прочь.

Ее место занял катафалк, и, когда второе тело увезли, Ивэн с Шоттсом остались в переулке вдвоем.

— Уже достаточно светло для осмотра, — решительно сказал сержант. — Полагаю, мы сумеем что-нибудь найти. Потом начнем поиски свидетелей. Что там с женщиной, поднявшей тревогу?

— Дейзи Мотт. Я знаю, где ее искать. Днем — на спичечной фабрике, а по ночам — вон в том здании, в шестнадцатом номере. — Шоттс показал левой рукой. — Не надейтесь, что она сможет много рассказать. Если б те, кто это сделал, были здесь, когда она появилась, они, без сомнения, и ее тоже убили бы.

— Да, полагаю, что так, — неохотно согласился Ивэн. — Если б она кричала, им пришлось бы ее утихомирить... Что насчет старины Бриггза, который привел вас?

— Ничего не знает. Я его уже расспрашивал.

Ивэн начал расширять круг поисков, уходя от места, где обнаружили тела; шел он очень медленно, цепляясь глазами за землю. Сержант не знал, что ищет, — все, что могло упасть, какую-то отметину, пятна крови... Должны же быть пятна крови!

— Дождя не было, — мрачно сказал Шоттс. — Эти двое дрались за свою жизнь, как тигры. Крови должно быть больше. Хотя не знаю, что это даст нам, если мы ее найдем! Разве что ранили кого-то еще; тогда я и сам смогу разобраться...

— Здесь кровь! — воскликнул Ивэн, заметив темное пятно на бульжнике у сточной канавы. Пятно пришлось потрогать пальцем, чтобы убедиться, что оно не коричневое, как экскременты, а красное. — И здесь. Должно быть, тут произошел, по крайней мере, один эпизод схватки.

— И я тоже нашел, — сообщил Шоттс. — Интересно, сколько их тут было?

— Больше двух, — спокойно ответил Ивэн. — Если б дрались на равных, здесь лежали бы четыре тела. Те, другие, все же смогли сами унести ноги... если, конечно, их не забрал кто-то еще. Но это вряд ли. Нет, думаю, мы разыскиваем не меньше двух-трех человек.

— Вооруженных? — Шоттс посмотрел на него.

— Не знаю. Доктор расскажет, отчего умер тот бедняга. Я не видел ни ран от ножа, ни следов от дубинки. И его совершенно точно не задушили.

При этих словах Ивэн содрогнулся. Сент-Джайлз особенно славился внезапными подлыми убийствами, когда жертву душили проволокой. Под подозрение мог попасть любой опустившийся бродяга. Был даже случай, когда двое типов заподозрили друг друга и дело едва не закончилось взаимным смертоубийством.

— Забавно. — Спасаясь от холода, Шоттс машинально пытался запахнуть поплотнее пальто. — В таких местах, как это, воры, когда идут грабить, обычно берут с собой заточку или проволоку. Драки они не ищут — им бы добычу схватить, побыстрее ноги унести да целыми остаться.

— Точно, — отозвался Ивэн. — Проволоку на горло или нож в бок. Тихо да верно. Никакой опасности. Берешь деньги и растворяешься в ночи. Так что же случилось на этот раз, Шоттс?

— Не знаю, сэр. Чем дольше смотрю, тем меньше понимаю. Здесь же нет никакого оружия. А если и было, они за-

брали его с собой. И даже более того, насколько я вижу, нет кровавого следа. Словно эти двое бедняг, которых увезли док и катафалк, сами изранили себя так, что смотреть страшно. Изранили до смерти или почти до смерти. Я к тому, что...

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — опередил его Ивэн. — Это однобокий подход.

В дальнем конце переулка появился двухколесный экипаж; сразу за ним катил фургон, нагруженный старой мебелью. Где-то вдали послышался скорбный крик старьевщика. Нищий, кутаясь в старенькое тряпье, задержался у поворота в переулок, потом, подумав хорошенько, прошел мимо. За грязными окнами началось какое-то движение. Стали слышнее голоса. Залаяла собака.

— Сильно ж надо ненавидеть человека, чтобы забить его до смерти, — едва слышно произнес Ивэн. — Если только совсем умом не повредился.

— Они тут были чужаками. — Шоттс покачал головой. — Чистенькие... сытые, в приличной одежде. Оба приезжие, наверняка с запада. Или сельские.

— Горожане, — поправил Ивэн. — Городская обувь. И кожа как у горожан. У деревенских она не такая светлая.

— Тогда с запада. Что не местные, это уж точно. Кто из здешних мог знать их настолько, чтобы возненавидеть?

Ивэн сунул руки в карманы. Поток пешеходов в конце улицы стал гуще, мужчины шли на работу — в пакгаузы и на заводы, женщины — на потогонные фабрики. Появились и те, кто работал на себя, — уличные торговцы всех мастей, разносчики, мусорщики, продавцы информации, мелкие воры и посредники.

— Зачем человек сюда приходит? — задал себе вопрос Ивэн. — За тем, что нельзя купить в своей части города.

— Трущобы, — лаконично отозвался Шоттс. — Дешевые женщины, ростовщики, шулера, можно сбыть краденое, добыть подделку.

— Именно, — согласился сержант. — Нам нужно выяснить, с какой целью они пришли и к кому.